

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Между жизнью и смертью она выбрала любовь...

Хранитель тайн,
или Сброшенная маска

Екатерина Гринева Хранитель тайн, или Сброшенная маска

текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2982145

Екатерина Гринева. Хранитель тайн, или Сброшенная маска: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55066-1

Аннотация

Ксения жила с мыслями о мести. Она вновь и вновь видела в кошмарах ту ночь в зимнем лесу, когда от рук неизвестного погибла вся ее семья... Боясь, что убийца доберется и до нее, девушка уехала из родного города и устроилась официанткой. Она не знала, как осуществить свои планы, пока в кафе, где она работала, не появился парень с пронизывающими зелеными глазами. Ксения узнала его брелок со странным старинным вензелем – она подобрала такой же на месте преступления. Неужели этот человек причастен к гибели ее родителей и брата?.. Не в силах больше жить в неизвестности, девушка вернулась домой и выяснила: незадолго до гибели ее отец, крупный бизнесмен, побывал в Италии и встретился там с неким господином. Ксения немедленно вылетела во Флоренцию и увидела в приемной партнера отца... зеленоглазого незнакомца!

Екатерина Гринева

Хранитель тайн, или Сброшенная маска

Пролог

На меня смотрели ГЛАЗА. В темноте я не видела их цвет, да и маска не позволяла рассмотреть их как следует. Я даже не знала, сколько лет этому мужчине, пристально рассматривавшему меня в упор. Я только сжалась, заглушив в себе крик «мама», и зажмурилась. Я ожидала звука выстрела. Но его пока не было. Впрочем, это был вопрос нескольких секунд, и я ожидала своей смерти, как предопределенности, которой не миновать.

В двух метрах от меня лежала мама, рядом – отец. Чуть поодаль – Артемка, мой младший брат, который учился в университете и приехал на семейный праздник. До Нового года оставалось несколько часов. Мы ехали праздновать его за город, в наш коттедж, предварительно загрузив багажник продуктами и предупредив Нонну Степановну, домработницу, о своем приезде, чтобы она все приготовила.

Я явилась к родителям за полчаса до выезда – я жила отдельно, считала себя взрослой самостоятельной девицей

и навещала родителей только по праздникам и еще иногда по выходным. Всего полгода я наслаждалась своей свободой и поэтому предложение отпраздновать Новый год с семьей восприняла с легким разочарованием.

Мама встретила меня с укоризненным восклицанием:

– Ксана! Мы уже думали, ты не приедешь!

– Что ты, мам! Я как штык и вовремя. Это у вас, кажется, еще ничего не готово.

– Все готово. Скоро выезжаем.

– А папа где?

– В кабинете – говорит по телефону. Ох, тревожусь я за него, – прибавила мать с беспокойством. – Все дела, дела... Да еще этот поджог в торговом центре – он пока не отошел от этого. Судебные повестки все нервы вымотали.

Я кивнула: мой отец был бизнесменом, одним из самых крупных в этом городе, и постоянно имел лобовые столкновения то с администрацией, то с конкурентами. Характер отца за последние годы сильно испортился. Он стал более жестким, бескомпромиссным и чаще говорил «нет», чем «да». Одно время ему предлагали пост в администрации города, но он отказался, справедливо считая, что взваливать еще одну проблему к своему бизнесу не стоит. Если бы Артемка был постарше, отец передал бы дела ему, а сам ушел в политику. А так... замордуют окончательно. Мать была рада, что отец остался на своем месте, но радовалась она рано, потому что в последнее время отца словно преследовал злой рок.

Сначала умер его старый друг и партнер по целому ряду бизнес-проектов Сергей Иванников, потом несколько компаний отца понесли серьезные убытки из-за недобросовестных подрядчиков. А тут еще пожар в торговом центре, который принадлежал моему отцу. Официальная версия – неправильное хранение рабочих материалов в подсобных помещениях, на самом деле – был поджог, но виновных не нашли. Охрана среагировала несвоевременно, и пожар успел охватить большую территорию. Усилиями прибывших пожарников очаг возгорания все-таки ликвидировали, однако ущерб был значительным. Отец ходил мрачнее тучи, и к нему лучше было не подступаться. Кое-как дело удалось замять, причем благодаря связям отца в администрации – как городской, так и областной, но на его лице я никакой радости не видела и поэтому боялась, что он многое недоговаривает. Так впоследствии и оказалось...

Это случилось в ноябре, а сейчас на дворе был Новый год, и мы решили поехать в коттедж и там его отпраздновать.

Выехали мы в восемь. Ехать было полчаса, но отец ехал медленно – шофера Василия он отпустил и сам сел за руль. Дорогой мы почему-то молчали. Я внимательно смотрела в окно машины, потому что первый раз за длительное время я увидела на небе звезды. Золотые точки, усыпавшие все небо, были очень яркие. Городскому жителю, каковым я являлась, очень редко удается насладиться прелестями природы. Дорога шла в лесу – темные лапы густого и высокого ельника

тянулись к машине; было как-то не по себе, и я громко запела шутивную детскую песенку. Пропев куплет, я замолчала и снова устала на дорогу. Фонари горели тусклые, снега выпало много. До середины декабря стояла теплая погода, изредка шел мокрый мелкий снег – какая-то крупа – и тут же таял, зима была какая-то невсамделишная, с серым асфальтом и серым низким небом, а в двадцатых числах повалил снег – чистый, блестящий. Он искрился и звонко, аппетитно хрустел под ногами. Я была будто в сказке.

Участок, прилегающий к коттеджу, чистил дворник Петр Петрович, и все там ждало нашего приезда. Я уже представляла, как Нонна Степановна – высокая худая женщина с вечно поджатыми губами – встретит нас на крыльце и скажет, что все готово. Представляла, как дом сияет мелкими огоньками и во дворе стоит большая елка, украшенная красными или золотыми шарами. Раньше мама готовила непременно индейку в фольге, но вот уже два года, как она особо не обременяла себя, поэтому стол был довольно скромным.

– Может, надо было приготовить индейку, – озабоченно сказала мама.

Я пожала плечами, а Артем фыркнул:

– Обойдемся!

Я перевела взгляд на дорогу и здесь увидела ИХ. Темные фигуры выскользнули из самого леса и преградили нам путь. Отец резко затормозил и опустил стекло:

– Что вы хотите?

Черное дуло автомата уперлось ему в висок. Мать в ужасе закричала:

– Саша!

Артем дернул ручку дверцы на себя и чуть не вывалился на дорогу.

– Выходите! – скомандовал один из них.

Теперь я видела, что их пятеро, все в камуфляжной форме в масках...

– В чем дело? – Отец старался не терять присутствия духа, но я видела, что дается это ему с трудом.

– Выходите! – снова повторил мужчина.

Рука отца потянулась в бардачок, но его выволокли из машины и, ударив прикладом по шее, бросили на дорогу. Мать, закричав, бросилась к нему, но ее грубо отпихнули, и она упала навзничь.

Бледный Артемка накинулся на одного из них, но крайний вскинул автомат, и короткая очередь вспорола морозный воздух.

– Тема!!! – зашлась в крике мать.

– Сволочи! – прохрипел отец. Потом были эти глаза из-под маски и мой собственный ужас, сковавший тело... И здесь раздался выстрел рядом, совсем близко, и мне показалось, что меня ранило, я вскрикнула и провалилась в беспмятство.

Когда я очнулась и увидела тела, меня охватил страх, что ОНИ где-то рядом и сейчас вернуться, придут за мной... Я

поднялась и здесь увидела брелок со странным старинным вензелем. Очевидно, его уронил тот, кто стоял рядом и целился в меня! Я зажала в руке брелок и, спотыкаясь, чуть не падая, добежала до деревьев. Я забилась-забралась под разлапистую ель и сидела какое-то время там в полном оцепенении и слышала бешеный стук собственного сердца. Потом тряхнула головой и поняла, что мне надо БЕЖАТЬ.

Выбравшись из-под ели, я отправилась на вокзал и доехала на электричке до ближайшего городка. Сойдя на перрон, нырнула в людской поток и вышла на площадь. Там, сидя в первом попавшемся кафе, я обдумала свое положение. Обнаруживать себя я не могла. Думать о своих самых близких и родных как о мертвых я не хотела. Как только я вспоминала короткие сухие выстрелы в морозном воздухе и заполошный крик матери – всегда сдержанной и воспитанной женщины, и Темку, нелепо упавшего в снег, раскинув руки... мои губы начинали дрожать, а перед глазами – прыгать черные точки. «Они пришли за всеми нами...» – стучало в мозгу. И по счастливой случайности я осталась жива... Почему? Почему меня не пристрелили вместе с ними – может, лучше было бы так. Как мне жить с сознанием, что мои родные погибли. А я жива... Я была не в состоянии переварить и осознать случившееся. Мозг упорно блокировал эту информацию... Мне было все равно, куда ехать и где жить.

Внезапно я сунула руку во внутренний карман полушубка и нащупала там пластиковую карточку. Я снимала деньги в

банкомате торгового центра, чтобы сделать подарки родным. Подарки так и остались лежать в багажнике папиной машины... Я сунула карточку в полушубок второпях, и теперь она была со мной. Сейчас она была моим спасением... Денег там было не так много. Но на месяц-другой хватило бы... А за это время я бы устроилась на работу.

Я сглотнула.

– Зачем жить? – прошептала я. – Зачем?

Я сняла номер в единственной городской гостинице. Эту морозную, гулко-студеную ночь я запомню надолго... Свое собственное отчаяние-оцепенение, и бутылку водки, и запахнутый балкон... Стужа проникала под мою кожу: я сидела на полу и пила из горлышка бутылки. Мерзкая жидкость, стекавшая по моему горлу, вызывала отвращение, но мне хотелось забыться. Тяжелое оцепенение сковывало меня и вызывало спасительное оупение. Мороз пробегал по кончикам пальцев и поднимался выше.

– Зачем жить? – шептала я, встряхивая головой. – Зачем? Для чего?

Ответа не было, была только тоска – вселенская мертвенная тоска, которая росла, пухла и грозила поглотить меня всю целиком. Внутри этой тоски было тревожно и неуютно; она больно грызла меня, все горело внутри, и протяжный звериный вой вырвался из меня, и я зажала себе рот рукой. А в следующую минуту я уже рыдала злыми отчаянными слезами, вцепившись в волосы; и с этими слезами из

меня источалась, извергалась вся прошлая счастливая жизнь нашей семьи: с новогодними праздниками и старинной скатертью, ароматом теста и блестящими гирляндами фонариков, с первыми детскими рисунками и первой Темкиной сигаретой; моя мать тогда плакала, а отец сказал, что если еще раз поймает, то надерет брату, которому было тогда двенадцать лет, задницу; с запахом отца и маминой улыбкой – и нашими семейными вечерами, все это безвозвратно уходило туда, откуда уже не могло вернуться. Никогда.

Уснула я уже под утро, провалившись в беспмятство.

Проснувшись, я долго не могла сообразить, куда попала: бутылка валялась на полу, простыни были сбиты – я завалилась на кровать в одежде, даже не раздевшись. Потом все вспомнила, и у меня перехватило дыхание.

Проплакав час или два – время стало для меня совершенно абстрактным понятием, – я задумалась, что мне теперь делать. Возвращаться в родной город было опасно. Лучше всего забиться в какой-нибудь маленький городок, где меня никто не будет искать, и осесть там. В этом городке я могу начать совершенно новую жизнь. Под другим именем и фамилией. Словно никогда и не было Ксении Соколовской. Я вдруг нахмурилась. Все мои родные были как живые... я не могла смириться с тем, что они мертвы.

Я подошла к двери и, прежде чем повернуть ручку и выйти в коридор, поклялась, что когда-нибудь я найду убийцу и он мне заплатит за все.

Город N подошел мне по многим причинам – это была такая дыра, что вряд ли кому в голову придет искать меня там. Здесь почти не было промышленности, он производил впечатление типичного провинциального захолустья, все половозрелое население которого так и мечтает уехать в Москву или в другой мало-мальски крупный город.

Я сняла комнату на неделю у глуховатой бабки, которая потребовала с меня деньги за три месяца вперед. Поторговавшись, я заплатила за два. Теперь мне приходилось считать каждый рубль – пока я не устроюсь на работу. Ворча, Ольга Сергеевна согласилась и ушла на свою половину, придерживаясь рукой за поясницу.

В первой же парикмахерской я перекрасила волосы и стала из блондинки жгучей брюнеткой.

– Надо же так волосы портить, – охала полная парикмахерша в засаленном синем халате.

– Ничего. Сейчас брюнетки в моде.

– На блондинок мужики больше клюют, – заметила она. – Ты что, замуж выйти не хочешь?

– Ближайшим пунктом в моих планах замужество не значится.

Она замолчала и только иногда бросала на меня быстрые взгляды.

Когда я посмотрела на себя в зеркало, то невольно зажмурилась. На меня смотрела совершенно чужая девушка: с голубыми глазами и скорбными складками у губ. Взгляд был жестким и колючим.

– Тысяча.

Я дала деньги и, сняв с вешалки полушубок, вышла на улицу.

Я обошла город в тот же вечер пешком и поняла, что заплатила я вперед бабке несколько опрометчиво: найти работу в городе казалось весьма проблематичным. Офисов здесь было мало, и предложить свои услуги дипломированного специалиста я не могла – думаю, о моей профессии здесь и не слышали. Я не могла наняться даже секретаршей... Короче – полная безнадега.

Незаметно я вышла на трассу и пошла вдоль нее. Холодный январский ветер хлестал по щекам. Полушубок я забыла застегнуть; так и шла – грудь нараспашку, но холода совершенно не чувствовала. Наверное, я просто полностью потеряла чувствительность...

Вскоре на моем пути возник местный кабаk с названием «Улыбка», и я решила зайти туда.

Атмосфера в кафе мне сразу не понравилась. Это было типично придорожное заведение, где ошивались сомнительные личности. За столиками сидело несколько лиц кавказской национальности, их взгляды похотливо скользнули по мне, но я лишь вздернула выше голову. Кто-то из них гогот-

нул – не обращая внимания, я прошла за соседний столик и опустилась на стул. Я сняла полушубок и повесила рядом. Хотелось есть и пить.

Я позвала проходившую мимо официантку – девушку с длинными кудрявыми волосами, и она, даже не повернувшись, сунула мне меню.

Полистав, я сделала заказ, и вскоре передо мной стояли горшочек с мясом и салат с курицей. И вдруг я поняла, что не смогу съесть ни кусочка – меня сейчас просто вырвет на скатерть. Я сглотнула и, надев полушубок, выскользнула на улицу.

Официантка стояла и торопливо курила на морозе. Она глубоко затягивалась и выпускала дым.

– Уходите? А счет?

– Нет. – Я прислонилась к стенке. – Я еще не уйду, просто мне стало плохо, и я решила выйти подышать свежим воздухом.

– А... Ну воздуха здесь в избытке, в этом сраном городишке. Бери и хлебай.

– Давно тут?

Она метнула на меня быстрый взгляд.

– Полгода. А ты?

– Два дня.

– Проездом?

Я неопределенно мотнула головой.

– Еще не знаю.

– Собираешься здесь остаться? – в голосе слышалось явное удивление. Как-то не вязался мой облик в этом дорогом полушубке с дешевой харчевней и маленьким городишком.

И вдруг я поняла, что мне просто необходимо выговориться.

– У меня родные погибли. Все – отец, мать и брат. И я хочу какое-то время пожить в другом городе. Не могу там оставаться – все о них напоминает.

– А откуда ты?

– Из Томска, – соврала я.

Она присвистнула.

– Эка занесло! Из самой Сибири. Как звать?

– Ксения. Самойлова. А тебя?

– Маруся Зыкина. Можно просто Муся. Ты жить здесь хочешь? А работать?

– Работу мне обязательно нужно найти. Сбережений у нас никаких не было, – сочиняла я на ходу. Старенькая «девятка» да «трешка» в городе на окраине. Может быть, когда-нибудь я продам ее, а сейчас там мой дальний родственник живет.

Маруся смотрела на меня внимательно, не сводя пристального взгляда. У нее были карие глаза, кудрявые волосы и смуглая загорелая кожа.

– Загорела-то где так? – решила сменить я тему. – На курортах летом отдыхала? Или в Египет недавно ездила?

Маруся невесело усмехнулась и потушила сигарету о стен-

ку.

– Да я сама с курорта. Из Геленджика. Пришлая здесь, как и ты. Мой парень бросил меня, когда я уже была на пятом месяце беременности. Подлец закрутил шашни с другой, а ведь мы пожениться собирались. Все планировали – где жить будем, что и как. Ну и выкидыш на нервной почве. Я тоже, как ты, сбежала от всех. И прежде всего от него. Он свадьбу собирался закатить...

– И как, закатил?

Она пожала плечами.

– Меня уже к тому времени в городе не было. Рванула сюда, а здесь старалась поскорее о нем забыть. Слушай... – Она прищурилась. – Работа, говоришь, тебе нужна?

– Да. Нужна.

– Галка скоро уходит. Замуж вышла за парня из областного центра и переезжает к нему. Это вторая официантка. Пойдешь? Веселее нам будет.

– Официанткой? – Мозги мои лихорадочно заработали... А что? Почему бы и нет? Какая разница, где работать? Если мне нужны деньги. Да и работу по своей специальности я здесь вряд ли найду.

С Мусей мне будет веселее... Я сейчас отчаянно нуждаюсь хотя бы в одной душе, которая меня выслушает и поймет.

– Неплохой вариант, – покачала я головой.

– Ну, я пошла, слушай, подожди меня. Через пятнадцать

минут моя смена заканчивается. Вместе пойдём ко мне: посидим, поговорим...

Так я познакомилась с Мусей и пришла на работу в «Улыбку». Хозяин – толстый обрусевший армянин Вазген Хачатурович частенько понукал нас и называл «лодырными девками». Говорил он с легким акцентом; у него была русская жена Люба, работавшая бухгалтером в нашем же кафе, и трое пацанчиков, как две капли воды похожие на Вазгена – плотные, черноглазые, шустрые.

Вазген пробовал подкатить ко мне; Муська сказала, что он и к ней подкатывал, она сразу поставила его на место, пригрозив, что может уйти в любой момент – вряд ли он найдёт кого за такие копейки горбатиться в этой забегаловке. Рассудив, Вазген тоже пришел к такому выводу и Муську в покое оставил. Я же сказала Вазгену, что недавно похоронила любимого; он посопел и отстал от нас обеих.

Рассудив, мы с Муськой решили снять домик на двоих и жить в нем. Дом мы нашли на окраине города, давно не отремонтированный, с двумя комнатками и хлипкой верандой. Хозяйка Олимпиада Григорьевна переехала жить к сестре, а нам сдала дом, причитая и жалуясь на свою вдовью долю.

Участок был заросшим: за ним никто не ухаживал: ветки деревьев клонились к земле, кусты буйно кучерявились вдоль забора и около дома. Трава росла по пояс, пока мы с Муськой не купили газонокосилку и дружно не привели все в порядок. Это было летом... О прошлом я старалась изо всех

сил не вспоминать, но первый год кошмары снились мне почти каждую ночь, и я часто просыпалась с гулко колотящимся сердцем и в холодном поту. Во рту был странный привкус, и я с плачем зарывалась глубже в подушку. Тоска могла накатить на меня в любой момент. Я не могла даже заставить себя поехать в областной центр и посмотреть газеты в архиве: я просто не знала, как все это выдержу. Тактичная Муська ни о чем не расспрашивала, и мы делали вид, что у нас нет прошлого, а есть только настоящее.

Иногда я вынимала из маленькой шкатулки, куда складывала всякие безделушки, брелок со старинным вензелем, который обронил тот, кто пощадил меня и не убил вместе со всей семьей, и рассматривала его. Однажды Муська застала меня за этим занятием. Я поспешно спрятала брелок обратно в шкатулку, ничего не объяснив подруге.

И все-таки я не выдержала: поехала в областной центр, подняла все газеты за тот период и узнала, что мои похоронены на Вышнегорском кладбище. Все трое. Я поехала к ним тайком, ближе к вечеру, и когда увидела эти могилы, то чуть не потеряла сознание. Все плыло, качалось у меня перед глазами, и я стояла сцепив руки.

– Простите меня! – сказала я вслух. – Пожалуйста, простите за все!

Я положила на могилу цветы и ушла, ни разу не оглядываясь.

Так прошло полтора года. Я жила в каком-то отупении,

стараясь ни о чем не думать, а жить одним днем. Когда выпадали свободные вечера, мы с Муськой смотрели телевизор: развлекательные передачи или ток-шоу или читали дамские романы, купленные в местном ларьке. Муська любила журналы с sudoku и, наморщив лоб, старательно расписывала цифры в столбики. Я же занимала мозги очередным немудреным чтивом или щелкала пультом телевизора. Изредка, когда нам хотелось хоть какого-то разнообразия, мы выбирались в районный центр в кино или играли в игорном клубе в боулинг. Кроме того, каждый выходной, раз в неделю, я уезжала в развлекательный комплекс, находившийся в пятидесяти километрах от нас, и училась стрелять в тире. Я просаживала там почти все свои деньги – я стреляла с остервенением, до помутнения в глазах до тех пор, пока рука не начинала неметь. Мусья называла это «пострелять зайцев».

Парни к нам отчаянно клеились, но мы всех отшивали, не чувствуя никакой потребности в мужском обществе. Муська клялась, что она больше вообще никогда ни на кого не посмотрит. Я понимала, что для нее это лишь вопрос времени, нужно залечить душевные раны. Я же... чувствовала себя настолько неживой, насколько человек может притворяться живым. Я все делала и жила на автомате, словно внутри меня образовался колючий ледок, который постепенно все больше и больше обретал толщину и превращался в арктическую глыбу льда, которую вряд ли кто сможет проломить.

Я очень любила мать и отца, но сейчас я почему-то все

чаще вспоминала Темку – своего брата, с которым у нас была разница в два года. В детстве мы были очень дружны и часто ссорились-мирились: ссорились до слез и мирились так же. Но когда Темка подрос, он взял на себя роль моего защитника и однажды даже подрался с мальчишкой, который был на целую голову выше его. Подрался из-за того, что тот отнял у меня мяч и дразнил, отбежав на расстояние. Темка налетел на него с кулаками – от неожиданности обидчик пустился наутек, а потом остановился и набросился на Темку. Темке было больно, но он терпел: из рассеченной губы сочилась кровь, под глазом красовался синяк, но он снова и снова нападал на своего противника. И наконец Темка с громким криком ринулся вперед и стал отчаянно колотить руками моего обидчика с каким-то боевым криком. И тот сдался... сбежал, спотыкаясь и нелепо взмахивая руками.

А мы с Темкой остались одни. И я помнила: как он улыбнулся окровавленными губами, а я подошла к нему, обхватила за шею и заплакала. Я очень любила Темку, а он – меня... А сейчас Темки нет. И он даже не успел нас познакомиться со своей девушкой, с которой у него все было серьезно. При этой мысли все расплывалось перед глазами, и я делала усилие, чтобы взять себя в руки...

Муська, видя, что я «смурная», старалась изо всех сил отвлечь меня, за что я была ей благодарна. Муська была незлобива и добра. Правда, она была жуткой аккуратисткой, а я частенько разбрасывала свои вещи, так что подруга иногда

ворчала на меня и поругивала, но все это было как-то по-доброму, по-семейному.

Я не задумывалась ни о том, что будет дальше, ни о том, как долго я пробуду в этом городе и проработаю в кафе «Улыбка». И тот день, который полностью перевернул мою жизнь, тоже начался, как обычно.

Муська ушла на работу первой. Я должна была ее сменить к вечеру. Я поздно встала, выпила горячий кофе и весь день до смены Муськи читала какой-то современный детектив и смотрела телевизор.

Когда я пришла на трудовую вахту, Муська беседовала с Жориком – нашим барменом, пронырливым молодым человеком с бегающими по сторонам глазами. Он был высок, худ и напоминал клерка, сидевшего день и ночь в офисе. Жора был, наверное, единственным парнем в городе, который не пытался к нам клеиться: может, из-за того, что просто хотел быть другом, а может, из-за того, что считал это бесполезным.

Я кивнула ей и, переодевшись, вышла в зал. Спустя минут пять хлопнула входная дверь, и в кафе вошел молодой парень. Непонятно почему я подняла на него глаза и застыла. Парень был высоким, золотоволосым, со светло-зелеными глазами. Он был гибок и двигался с почти кошачьей грацией: быстро и бесшумно. Он сел за столик у окна и, обернувшись в мою сторону, нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Ноги прилипли к полу, я не могла сдвинуться с ме-

ста – боковым зрением я видела, что Муська бросила на меня удивленный взгляд и медленно подошла к столику, протянув меню. Он взял его – пальцы парня были длинными, красивыми – и стал лениво листать его. А меня вдруг затрясло, и я чуть ли не бегом направилась на улицу. Следом за мной вышла Муська.

– Ты чего? – спросила она.

– Плохо что-то стало. Я покурю.

– Ты и вправду чудная какая-то. Побледнела. Знакомый твой, что ль?

– Ты о ком?

– Сама знаешь о ком, – усмехнулась Муська. – Как этот хмырь к нам зашел – так ты сама не своя стала.

– Я его первый раз вижу, – сказала я, глубоко затягиваясь. – Ей-богу.

– Правда?

– Ага. А зачем мне тебе врать?

– Ну не знаю...

Я бросила окурок в урну и потянула дверь на себя.

– Если тебе совсем плохо – я могу подменить.

– Справлюсь, – процедила я.

– Смотри, – туманно сказала она. – Как бы чего... – но фразу Муська не закончила и замолчала.

А я вошла в помещение и направилась к столику, где сидел парень. Он листал меню, когда я подошла.

– Выбрали? – Голос мой неожиданно сел и стал хриплым.

Он поднял на меня взгляд, и светлая зелень полоснула меня.

– Выбрал, – сказал он лениво. Таким тоном говорят, когда никуда не торопятся и впереди уйма времени, а все важные дела остались позади, и наступил час отдыха.

Я приняла заказ.

– Что-нибудь еще?

Он сидел и смотрел на меня. Его взгляд был спокоен и безмятежен; он смотрел на неодушевленный предмет – с легким интересом и любопытством. Неужели он меня узнал? – Жар прошел позвоночник, и я наклонила голову вниз.

– Все? – Я старалась, чтобы мой голос звучал как можно грубее.

– Все, – припечатал он.

Руки мои дрожали, и я подумала: может быть, правда – передать все Муське, сославшись на нездоровье, тем более что она смотрела на меня из-за барной стойки с тревогой и недоумением. «Черт-те что! – Рассердилась я сама на себя. – Какой-то сопляк нервирует меня».

Я принесла заказ и быстро ушла. Меня позвала вошедшая парочка шоферов-дальнобойщиков, и я стала хлопотать около них. Они требовали сначала одно, потом – другое. Когда я закончила их обслуживать, повернула голову к столику зеленоглазого блондина и увидела, что его нет. Я взглянула в окна и заметила, как он торопливо идет к светлой «Тойоте». Я метнулась к столику и увидела две тысячные купюры, прижатые солонкой. Счет был примерно в тысячу рублей, и я

метнулась к двери.

Выбежав на улицу, я крикнула:

– Эй! – но он меня не слышал и уже садился в машину. Я подбежала к ней, почему-то мне хотелось встретиться с ним еще раз глазами. – Эй!

Он уже сел, но я подскочила и забарабанила по стеклу. Стекло поехало вниз.

– Что-то не так?

– Вы оставили слишком большую сумму для счета.

– Да? Ну тогда это – чаевые.

– Чаевые? – переспросила я, оттягивая момент, когда он отъедет и я больше его никогда не увижу.

– Сходите на них в ресторан или купите помаду.

– Спасибо.

Он взмахнул рукой, и я увидела в ней зажатый брелок – как две капли воды похожий на тот, оставленный на месте убийства.

– Всего хорошего, зая, я тороплюсь, – и он тронул рычаг зажигания.

Ни это спокойно-хамское «зая», ни равнодушный взгляд, которым он напоследок мазнул меня – не могло отвести мое внимание от его руки. Я машинально отступила назад и провела рукой по лбу.

Машина, взревев, отъехала, а я бросила взгляд на номера. Они были из моего родного города. Я стояла как оглушенная и даже не сразу услышала Муськин крик, адресованный мне:

– Ксана! Живей! Тебя зовут.

С трудом я очнулась и посмотрела на Муську. Она стояла на крыльце и отчаянно сигналила мне.

– Вазген лютует. Лодырной девкой уже называет.

– Это его любимое выражение, – огрызнулась я, – хоть бы сменил пластинку для разнообразия. Сам бы побегал между столиками и повертелся. Легко сидя указания отдавать.

– Ты чего?

– Ничего!

– Все в порядке?

– Естественно, – сказала я сердито.

– Что за парень был?

– А я откуда знаю?

Муська почему-то была твердо уверена, что я его знаю.

Я отработала смену на автомате. Муська уже давно ушла домой, и все это время у меня из головы не выходил брелок! Что это значит! Неужели я встретилась с одним их тех, кто в ту ночь хладнокровно расстрелял отца, мать и Темку? Ну тогда мне надо было вытащить его из машины и застрелить как собаку или предварительно избить. Позвать кого-то на помощь? Ну и что я им скажу? Я же не могу раскрыть себя!

Мысли разбегались в разные стороны, а я неожиданно поняла, что надо что-то делать. Я не могу убежать от прошлого, как бы мне ни хотелось. И сколько я собиралась отсиживаться здесь? Всю жизнь?

Подходя к дому, увидела Муську, сидевшую на крыльце.

Она курила, вокруг нее ходила приبلудная черно-белая кошка с рыжим пятном на шее, которую мы иногда подкармливали остатками из трактира. Она отчаянно делала вид, что ничейная и гуляет сама по себе, но иногда нисходит до нас и разрешает себя кормить. Мы по мере сил подыгрывали ей. Приходила и уходила она, когда хотела, и мы, не сговариваясь, дали ей имя Вреда от «вредины». Солнце уж садилось, но воздух был теплый.

– Садись рядом! – похлопала Муська рукой по ступенькам крылечка. – Посидим – поокаем. Отпросилась?

– Да. Я себя неважно чувствую!

– Из-за этого хмыря, что ли? Как пить дать тебя знает. Я пару раз видела, как он пристально на тебя смотрел. Зыркал, но так, чтобы незаметно было.

– Показалось!

– Ей-богу! – И Муська размашисто перекрестилась. – Не вру!

– Может, понравилась? Вот и смотрел.

Хотя мне в это верилось с трудом.

– А что? Вполне. Девки мы с тобой что надо! – И она подмигнула мне.

– Кто бы сомневался. – Я слегка ухмыльнулась.

Черно-белая кошка смотрела на меня, сидя под большим кустом боярышника, и не двигалась с места.

– Кис-кис, – позвала я кошку взмахом руки. Но она стойко проигнорировала мой жест и осталась сидеть на месте.

– Кис-кис, – позвала я уже громче. И снова – безрезультатно. Вечно она меня игнорирует.

– Не идет, зараза.

Я взяла пачку сигарет, лежавшую на крыльце, и вынула одну. Докурив, принялась за другую.

Курили мы молча – Вреда чихнула и отошла подальше, укоризненно смотря на нас желтыми глазами.

– Мусь, я скоро уеду ненадолго, – немного помолчав, сказала я.

– Куда? – вздрогнула Муська. – Далече? Это из-за этого хмыря, что ли?

– Сдался тебе он! – в сердцах воскликнула я. Не признаваться же подруге, в чем тут дело. – Просто надо.

– Вчера еще не надо было. А сегодня... – с легкой обидой сказала Муська. – Что за секреты развела. И от кого?

– Прости, Мусь, – искренне сказала я. – Не могу ничего тебе пока объяснить. Правда, не могу. Объясню, но не сейчас.

– Я уже поняла, – призналась Муська со вздохом, – тайн у тебя хватает, и выглядишь ты не по-нашенски.

– Как это?

– А так. Мне однажды наш Вазген глаза на тебя раскрыл. – Говорит, наша Ксюха как фифа какая. Благородная девица, случайно залетевшая в наше дерьмо.

Я невольно улыбнулась.

– Ксан! – Подруга придвинулась ко мне ближе. – А ты вер-

нешься?

– Конечно, Мусь, – обняла я ее. – Как только управлюсь со своими делами – так и вернусь.

В самом деле я не собиралась задерживаться надолго в своем родном городе. Мне нужно было провернуть одно вполне конкретное дельце – найти и покарать убийц. После этого со спокойной совестью я могла возвращаться к Вазгену и Мусе. Хотя... по здравом размышлении я понимала, что это вряд ли произойдет: что мне делать в этом городе в статусе официантки? Но так далеко заглядывать я не хотела. С тех пор как я увидела в руке этого парня брелок, все перевернулось вверх дном, моя размеренная жизнь пошатнулась и дала крен. Та спячка, в которую я была погружена, закончилась, и теперь мне предстояло действовать. И для начала мне надо было найти того парня. Я не знала, что я скажу ему и как – главное было найти. Я даже не думала о том, что шансы отыскать его в миллионном городе весьма малы, если не сказать – ничтожны. Я была наполнена чувством мести, и эта месть жгла меня изнутри. Эта месть не давала мне сойти с ума и спасала меня от депрессии долгими зимними вечерами – она являлась моим мотором и топливом, и если что-то придавало моей жизни смысл, то это была месть – великолепная, хладнокровная, яркая...

Я докурила и пошла в дом. Уезжать я собиралась прямо завтра с утра, не откладывая.

– Я тебе свою сумку дам. У тебя даже чемодана нет, – тихо

предложила Муська. – Перекати-поле ты.

– А ты?

– За компанию.

По голосу я поняла, что Муська плачет.

– Мусь! – Я взяла ее за руки и притянула к себе. – Я вернусь, честное слово. Ну, прости меня, Мусь!

– Да я что – я все понимаю. Просто одной оставаться не хочется – привыкла я к тебе. Ты мне как родная стала.

– Я буду звонить...

Я кинула свой нехитрый скарб в Муськину потрепанную сумку и поставила ее под стол.

– Утро вечера мудренее. Надо к Вазгену зайти за расчетом.

– Вот уж кто удивится, глаза на лоб полезут. Он, наверное, думает, что осчастливил нас и мы ему должны быть по гроб жизни благодарны за работенку его и зарплаты дохлые.

Вазген, как ни странно, к моему заявлению об уходе отнесся спокойно-философски. Очевидно, этого прожженного армянина уже было трудно чем-то удивить или пронять. Он только сказал напоследок:

– Морду в пекло не суй! А то я тебя знаю.

– Откуда? – невольно изумилась я. – В драках не участвовала. Не была. Не состоялась.

– По глазам вижу. Опыт кое-какой жизненный есть. Поэтому и предупреждаю. Ты не отмахивайся, вникни. Вазген плохого не пожелает никогда. Учти. Плохого совета Вазген

не даст.

– Учту, – пообещала я, – непременно.

И только когда за мной закрылась дверь «Улыбки», я неожиданно поняла, что буду скучать по этому месту. Хотя частенько его проклинала: пьяных мужиков, в угаре так и норовивших ущипнуть или положить свою лапу на пятую точку, вечный дым и гул в ногах. К концу смены они у меня едва не отваливались.

Муська проводила меня до трассы, и когда мы ждали попутную машину, она меня крепко обняла и опять расплакалась. Потом быстро взяла себя в руки, чтобы не портить мне настроение:

– Не забывай. И если так случится, что мы больше никогда не увидимся, знай, что ты хорошая девчонка и добьешься всего, чего захочешь. У тебя упорный характер.

– Что за чушь ты говоришь. Конечно, мы еще увидимся, – пообещала я ей, хотя не была в этом так уверена, – ты и не заметишь, как мы снова будем вместе сидеть на нашем крыльце, смолить сигаретки и приручать Вреду.

Муська улыбнулась мне в ответ, и мы вновь обнялись.

Я села в попутку. Муся меня размашисто перекрестила. Когда я обернулась, то увидела ее силуэт на фоне дороги, и в горле у меня встал комок. Я судорожно вздохнула и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, стала смотреть на дорогу.

Родной город встретил меня дождиком, в том месте, ко-

торое я покинула, всюду светило солнце, а здесь небо обложили тучи, и, судя по всему, они не собирались сдаваться. Я сунула шоферу деньги, и он, буркнув «до свидания», растворился в серой пелене.

Дождик был каким-то мелким, несерьезным. От капель в воздухе стоял туман, и влажность будто проникала под кожу. Было трудно дышать, и волосы моментально стали кудряво-кучерявыми, о том, что у меня нет зонтика, я вспомнила только сейчас. Как-то не удосужилась его купить. А там пользовалась Мусиным. У нее их было два. Думаю, она не была бы против, если бы я один взяла, но я об этом совершенно не подумала. Безалаберная, сказала бы Муська...

Капли стекали по волосам, и от моих шагов брызги разлетались в разные стороны. Я вздохнула. Этот город был мне знаком как свои пять пальцев – но сегодня он был чужим и незнакомым, и неожиданная горечь подступила к горлу. Может быть, зря я все это затеяла. С чего начинать и к кому идти?

Пока я шла по привокзальной площади, мне в голову пришла мысль, что те, кто уничтожил мою семью, наверное, еще не оставили мысль расправиться со мной. Было довольно легкомысленно и необдуманно так сорваться с насиженного места и приехать сюда. И если я себя обнаружу – они тоже не замедлят дать о себе знать. Короче, я собиралась выступить в качестве приманки. Как такая мысль пришла в голову – я не знала. Еще год назад я бы ни за что не подумала об этом, но

сегодня... Что-то перевернулось во мне вчера – и я поняла, что сидеть и ждать больше не могу. Пока убийцы моих родных живут и здравствуют. Страх – эмоция временная. Когда исчезает и он, тогда остается ледяное спокойствие. Вот такое, какое вчера было у того парня. А что, если он и есть тот убийца, пощадивший меня по непонятной причине? Отсюда и взгляды, которые он бросал на меня, по уверению Муськи. Сама я ничего подобного не заметила, но отмахиваться от Муськиных слов я бы не стала. Врать ей никакого резона не было, и если она сказала, что тот парень смотрел на меня – так оно и есть. Вопрос: почему он смотрел на меня? В тот вечер я была в странном оцепенении, но сейчас, когда он далеко и рассудок стал ясным, я все-таки решила, что идея с приманкой – не такая уж плохая. Во всяком случае, самая эффективная.

Мне надо было проникнуть в дом, где жили мои родители, и я не знала, что делать. Я не могла поехать к себе в однокомнатную квартиру, которую мне купили родители, когда я вернулась в свой город после учебы в Московском университете – у меня не было ключей. Ключи были еще у одного человека – папиного компаньона и старого друга Алексея Богданова, и поэтому вернее всего – обратиться напрямиком к нему. Если только он жив. Если убийство отца имело под собой причины бизнес-разборок, тогда вполне вероятно, что следующей жертвой стал Богданов.

Я вздохнула. Мне он никогда не нравился. Среднего ро-

ста, рыхлый, с двумя подбородками и пухлыми пальцами. Он зачесывал волосы назад и часто вытягивал губы трубочкой. Отец говорил, что его чрезмерная полнота – результат нарушения обмена веществ. И глупо судить о людях по их внешности – осадил он меня, когда я, скривив губы, сказала, что дядя Леша – жирный уродец.

И вот к этому Богданову мне теперь следовало обратиться. Я помнила телефон папиной конторы наизусть. Я позвонила туда, трубку сняла секретарша. Быстро, торопливо я назвала себя и попросила позвать к телефону Богданова. Та охнула и соединила меня с ним.

– Алло! – услышала я настороженный голос в трубке.

– Дядь Леша! Это я... Ксения. – В трубке повисло молчание.

– Какая Ксе... Ксюха! Ты, что ли? – в голосе слышалось недоверие. – Бог ты мой! Ксюха! Ты где? Откуда? Ксана! Я сейчас приеду за тобой...

– Я на вокзальной площади. Около магазина «Рассвет».

– Стой там. Я сейчас буду. Никуда не уходи. Жди меня. Слышишь! Стой и жди.

– Не уйду.

Богданов приехал через двадцать минут и, увидев меня, распахнул руки.

– Ксюха! Радость моя! – и вlepил в лоб звонкий поцелуй. – Какими судьбами? Да еще волосы перекрасила!

И тут я приняла единственно правильное, как мне каза-

лось, решение.

– Я в ту ночь не была со своими... В последний момент передумала и поехала в другое место.

– Поссорились, что ли? Накануне Нового года? – И Богданов покачал головой.

Я кивнула.

– Я так мучилась потом. Даже не смогла вернуться в город. Решила уехать, сбежать ото всех. Как подумаю, что они мертвы, а я...

– Ксана, Ксана! – укоризненно сказал Богданов. – Умная, взрослая, красивая, а ведешь себя как ребенок. Честное слово. Мне-то могла позвонить? И сказать, что все в порядке! Исчезла, и с концами. Я же тебя с таких лет помню. – И он показал рукой от асфальта. – И где же ты была все это время?

– Жила в одном городе.

– Каком?

– Припяти, – соврала я.

– Работала?

– Нет. Жила гражданским браком на иждивении одного подлеца.

Богданов покачал головой.

– А Володя?

Володя Иванников сгинул в глубинах моей памяти, и, видимо, навечно. Я не могла относиться к нему всерьез, как ни старалась. И этим очень огорчала своего отца, который хотел, чтобы я вышла за него замуж. Володю я знала с детских

лет и поэтому относилась к нему как к другу. А вот он...

– Как он?

– Не знаю, – вздохнул Богданов. – Саша надеялся, что вы с ним породнитесь. Он очень семью его уважал.

– Живут с человеком, а не с семьей.

– Что-то ты не по возрасту мудрой стала, как старушка.

Но тут же Богданов спохватился, что ляпнул бестактность, и сменил тему.

– А что стоим! Поехали ко мне! Ты чего мокрая такая?

– Зонтик забыла. Я хотела к себе, – подчеркнула я.

– Ну да... – Богданов поскреб подбородок. – Но с собой ключей у меня все равно нет. Так что... сначала в любом случае ко мне. Борща поешь, моя Наталья приготовила. Она как узнала – не поверила, подумала, что я прикалываюсь.

– Хороши приколы! – усмехнулась я.

– Да... – вздохнул он. – Как подумаю об Александре...

– Не надо, – жестко оборвала я его.

Богданов замолчал.

– Давай в машину, – кивнул он. – И ко мне. Там и продолжим разговор.

В машине играла негромкая музыка. Я вертела головой по сторонам. В моем городе почти ничего не изменилось, но казалось, что город меня предал, он был мне чужим. Или это я так сильно изменилась? Почти каждое место в городе я мысленно связывала со своим прошлым и на какое-то время предавалась воспоминаниям. В дороге Богданов рассказывал

о наших общих знакомых. Я слушала его вполуха, пока не выхватила фамилию Каргополов. Это был тот самый бизнесмен, которого обвиняли в поджоге центра, вину за который в конечном итоге повесили на отца.

– Он теперь здесь хозяйничает вовсю. Прибирает предприятия к своим рукам. Вконец распоясался. И у администрации на хорошем счету. Нашему бизнесу совсем худо приходится. Я тебе потом дам подробный отчет о нем, – проговорил Богданов скороговоркой. – Ты не волнуйся.

– Да я и не волнуюсь, – пожала я плечами. – Нисколечки.

Странное дело: акции, прибыль, все это сейчас волновало меня меньше всего по сравнению с тем делом, которое привело меня в мой город, – найти убийц моей семьи.

Загорелся красный свет, и Богданов затормозил.

– Непривычно тебя с этим цветом волос видеть. Странно как-то, ей-богу.

– Зато безопасней.

Он дернулся, но ничего не сказал.

Наталья, жена Богданова, худая и шустрая не в пример своему супругу, встретила меня натянутой улыбкой.

– Проходите, Ксения, все это настолько неожиданно... – замялась она.

– Я понимаю.

За столом царило легкое напряжение. Супруги как будто чего-то ждали. То ли полной и исчерпывающей информации от меня, то ли чего-то еще...

К еде я почти не притронулась. Аппетита никакого не было. Выпив кофе, встала из-за стола.

– Алексей Петрович! Я хочу взять ключи и поехать к себе домой.

Супруги невольно переглянулись.

– Да-да, – быстро сказал Богданов. – Сейчас, может быть, ближе к вечеру поедешь...

– Да нет. Какая разница?

– Никакой, – согласился он. – Действительно никакой.

Он дал мне ключи, и я поехала к себе, распрощавшись с Богдановым и его женой.

По мере приближения к дому все большие сомнения терзали меня. Стоит ли так открыто посещать нашу бывшую квартиру? Может быть, все-таки это следовало сделать позже? Не так сразу... Но с другой стороны, что-то упорно толкало меня вперед, и я не могла остановиться. Не могла я больше просто сидеть, ничего не предпринимая. Словно помимо меня был запущен некий маховик, и он уже раскручивался во всю мощь!

Дом, в котором мы жили, построили относительно недавно – семь лет назад; это был жилой комплекс на девять семей – малоэтажный элитный дом с внутренним двориком и солидной охраной. При моем появлении охранник буквально потерял дар речи, я похлопала его по плечу, и он только с шумом выдохнул:

– Дела!

Вставив в замок ключ, я помедлила... Было ощущение дежавю – того, что сейчас я услышу голоса родителей и брата... Резко тряхнув головой, чтобы прогнать это наваждение, я толкнула дверь и оказалась в полной темноте... На секунду мне стало страшно, я быстро захлопнула дверь, потом, собравшись с духом, я снова открыла ее и быстренько нащупала выключатель на стене – свет вспыхнул и заиграл на большой люстре, висевшей в квадратном холле. Все было так, будто хозяева квартиры покинули ее только что и в скором времени собирались вернуться. Мамины любимые тапочки – темно-красные с золотистым узором по краям – стояли около галошницы. Папины серые – рядом.

Я сглотнула и сделала несколько шагов вперед. В холл выходило пять дверей. У каждого было по комнате – у родителей общая спальня, у отца кабинет и большая гостиная внизу. Там мы любили собираться вечерами за большим столом и обмениваться информацией.

Медленно я прошла на кухню и включила свет. Здесь тоже все было в неприкосновенности. Я поставила чайник на плиту – мама любила по возможности пользоваться традиционными чайниками, а не электрическими, и, сев на табуретку, я задумалась.

Если исходить из того, что я приехала сюда найти парня с брелоком, то где его искать – я не имела понятия, и найду ли вообще. Но если рассматривать мое возвращение как вызов тем, кто меня не убил полтора года назад – то я становлюсь

для них отличной мишенью... И это следовало мне учесть в первую очередь. Я вздохнула. Богданов что-то говорил мне о деньгах... О том, что он даст мне отчет по поводу бизнеса. Деньги нужны мне как средство, чтобы достичь своей цели! Мне надо купить самый лучший пистолет.

И может, мне нанять телохранителя... почему бы и нет? Так мне станет спокойней... Конечно! Чайник вскипел – яркий чайник с красными маками на белом фоне. Мама разливала нам чай в чашки и ставила посередине стола большой пирог, который либо пекла сама, либо покупала в фирменной кондитерской нашего города «Венские узоры». Мамины пироги были неизмеримо вкуснее – с золотистой корочкой, тающие во рту... Я поймала себя на том, что у меня текут слезы. Я быстро стерла их рукавом кофты и заставила себя что-то сделать, чтобы немного отвлечься.

Открыв шкафчик, я достала заварку, и тут позвонили в дверь. Я замерла. Кто это мог быть? Богданов? Или кто-то другой?

Осторожно я подошла к двери и прислушалась.

– Ксюха! Это я! – раздалось негромкое. – Да открой же!

Это была наша соседка по дому – Ирина Шашкова – содержанка замглавы администрации Сосницкого. Мать резко возражала против такого соседства, но отец добродушно посмеивался: «Меня она уже не соблазнит, так что успокойся на этот счет и не нервничай. Это проблемы жены Сосницкого». Сосницкий вывез Ирку с турбазы, где она работала

официанткой и массажисткой одновременно, купил ей просторную двухкомнатную квартиру и поселил в элитном доме. Ирка была добрейшим существом – капризным, истеричным, жутко эмоциональным, но незлобивым и веселым. У нее были пышный бюст, пухлые губы и залиvistый громкий смех, который заражал любого, кто его услышит. Блондинка с соблазнительными формами, она словно шагнула со страниц «Плейбоя» и была мечтой всех мужчин от шестнадцати и старше.

– Да открой же! – повторила соседка.

Немного помедлив, я распахнула дверь, и Ирина взвизгнула, чуть не облив меня шампанским. В одной руке она держала бутылку шампанского, в другой – пачку сигарет.

Пеньюар, в котором она была – легкий невесомый кипенно-кружевной, – распахивался при малейшем движении и демонстрировал упругое молочной белизны тело.

– Ксана! Блин! – она кинулась ко мне. – Перекрасилась! Тебе даже идет. Как Ума Турман в «Криминальном чтиве». Откуда? Как? Мне Гошка сказал, а я не поверила – подумала: заливает...

– Какой Гошка?

– Охранник.

– А...

Я отступила назад, Ирка поставила шампанское на тумбочку в коридоре.

– Сейчас все расскажешь, – безапелляционно заявила она,

заходя на кухню. – А то я уже умираю от любопытства. Я же думала, что ты умерла... Что тебя уже и нет в живых.

– Я и сама так думала.

На кухне Ирка разлила шампанское в бокалы, предварительно сняв их с полки, и посмотрела на меня.

– Рассказывай...

Я рассказала то, что и раньше Богданову, – я не поехала вместе со всеми праздновать Новый год в коттедж. Мы поссорились, и я решила отметить Новый год одна. А потом мне кто-то позвонил и сказал о случившемся. И я рванула из города куда подальше – я была так напугана, что не могла ни думать, ни соображать в тот момент. А когда я узнала, что все правда, – приняла решение не возвращаться, а пожить какое-то время в другом месте. Я рассказала это Шашковой, опустив подробности моего житья в чужом городе и работы в нем. Сказала только, что жила с одним хмырем, но сейчас рассталась.

Ирка слушала, полуоткрыв рот, и сочувственно кивала головой. Прядь белокурых волос прилипла ко лбу – было жарко. Она медленно встала и открыла окно.

– Господи! Ну надо же! В рубашке родилась! Кто-то наверху отвел от тебя смерть. Если бы кто другой сказал – не поверила бы... В последний момент не поехать на верную смерть! Повезло.

Какое-то время мы молчали. Ирка разлила остатки шампанского по бокалам.

– За тебя! За твою спасенную жизнь!

Она закурила, и тогда я спросила ее:

– А как дела в городе?

– И не спрашивай! – энергично затрясла головой Шашкова. – Все куда-то летит к чертям собачьим. Всех лихорадит, трясет. Мерджанов ходит мрачнее тучи. – Мерджанов был главой администрации. – Говорят, им там... – понизив голос, сказала Ирка и, оглянувшись, показала кивком головы вверх, – недовольны.

Никто услышать нас не мог, но я тоже почему-то оглянулась и сказала негромко:

– В Москве?

– Ну да! – с досадой буркнула Ирка. – А мой тоже ходит смурненьким. Бойтся, что вылетит в любой момент за милую душу. Всех их там лихорадит, как пауков в банке... Да еще маньяк в городе объявился. Уже три убийства за ним. Молодых девушек убивает – одну в парке, другую прямо в подъезде, а третью – между гаражами. И все за какой-то месяц. Василенко держит дело на контроле. Ему сказали: не раскроет – полетит. Вот он и копает изо всех сил...

Василенко был начальником областного ГУБОПа.

– Я и сама теперь стараюсь по вечерам никуда не выходить... Электрошокер купила и хожу с ним. И ты никуда одна вечером не ходи, будь осторожнее, и можешь, как я, купить электрошокер, говорят, очень эффективная штука. Ты что дальше-то делать собираешься?

– Не знаю, – сказала я. Не признаваться же, что в родные места меня привели жажда мести и желание разобраться в том давнем убийстве до конца.

– Работать будешь устраиваться или пока поживешь для себя?

– Работа не убежит.

– Это точно! – Ирина тряхнула светлыми кудряшками. – Кстати, тут в квартиру эту Богданов наведывался. Сказал: ключи у него есть.

– Да. Отец давал.

– Пойду-ка я спать. Глаза совсем слипаются. Рада видеть тебя. Ужасно. Буду теперь забегать... Не возражаешь?

– Конечно нет.

– Вот и ладненько. Если тебе что-то понадобится, не стесняйся, заходи, я всегда буду рада тебе помочь. – Она послала мне воздушный поцелуй и удалилась неверной походкой. Уже до прихода ко мне Иринка маленько перебрала.

Я встала рано. Было непривычно проснуться в родном доме в полной тишине. С минуту-другую я прислушивалась, но в квартире никого не было, и я вскочила, откинув одеяло, и рванула в ванную. Там я постояла под струями холодной воды и затем, закутавшись в полотенце, вышла на кухню сварить кофе. Я вспомнила, что вчера почти совсем ничего не ела, и поняла, что сильно проголодалась. Я открыла холодильник, но там совершенно ничего не было, кроме

одинокой банки варенья, которую мама купила перед Новым годом и каким-то образом забыла, когда забирала остальные продукты, чтобы они не испортились за время нашего отсутствия. Я быстро накинула на себя мамину кофту, висевшую в коридоре, надела джинсы, кроссовки и побежала в ближайший магазин. В магазине я понахватала первое, что попало под руку. Возвращаясь домой, я увидела охранника, дружелюбно помахавшего мне рукой. В ответ я улыбнулась. Придя в квартиру, я быстро сварила себе яичницу, сварила кофе и сделала два бутерброда с тем самым вареньем. Теперь я была готова продолжать день.

Еще вчера перед сном я наметила программу дел на сегодня. Мне нужно было непременно встретиться с Василенко и спросить, в каком состоянии расследование убийства моей семьи. А потом... я собиралась встретиться с Володей Иванниковым. Женой Володьки мечтал видеть меня отец. Он давно дружил с его отцом, о котором говорил как о «порядочном мужике». Володьку он знал с пеленок, и как-то по негласной семейной традиции нас «поженили» еще в раннем возрасте.

Я не звонила ему ни разу за эти полтора года. Я бежала от прошлого, а Володька был неотъемлемой частью этого прошлого...

Я тряхнула волосами, прежде мне надо было встретиться с Василенко и прояснить кое-какие вопросы... Правда, я совершенно не знала, как он отреагирует на мое появление и

захочет ли вообще со мной разговаривать.

В ящике тумбочки в комнате, которая по-прежнему была моей, хотя я жила отдельно, я нашла старую телефонную книжку и ключи от моей квартиры. Ключи я сразу убрала в свою сумку подальше: съезжу как-нибудь потом, а телефонную книжку взяла в руки и стала искать телефон Василенко.

Василенко долго молчал в трубку, когда я позвонила ему и попросила об аудиенции.

– Соколовская, ты?

– Я. – Мой голос против воли прозвучал очень робко и смущенно.

– Где тебя черти носили?! Где ты отсиживалась? Ты вообще с головой или как?

– С головой.

– Пощады не жди. Просто выпорю.

Василенко за эти полтора года постарел... На висках появилась седина, а лоб прорезали вертикальные морщины. Отец всегда уважал Василенко и называл «настоящим мужиком».

Вкратце я рассказала Василенко версию, которую уже озвучила Богданову и Шашковой.

Выслушав, полковник уставился в окно, а потом снова перевел взгляд на меня.

– Соколовская! Я бы тебя... – И он махнул рукой.

– Я понимаю...

– Ни черта ты не понимаешь! – взвился Олег Петрович. –

Ты хоть о родных подумала? Ты могла пролить свет на это дело, а ты – в кусты... О других совсем не думаешь, только о себе, любимой! Не одной тебе плохо было после случившегося!

– Я не могла ничего сказать. Меня там не было!

– Как не было? – растерялся Василенко. – Вы же все вместе выехали...

Мозги лихорадочно забурлили.

– Нет. – Для большей убедительности я тряхнула головой. – Не вместе. Мы хотели выехать вместе, но поссорились, и поэтому я решила вообще не ехать с ними. Понимаете? Поэтому я ничего и не могу сказать об этом... происшествии. – Слово «убийство» мне почему-то было трудно выговорить вслух.

– Ничего не понимаю. – Теперь пришла очередь полковника крутить головой. – Вы же ехали вместе, – повторил он.

– Да с чего вы это вообще взяли?

– Саша сказал. Он мне позвонил перед тем как выехать и сказал: «Вот всей семьей собираемся ехать на дачу».

Вздых застрял в груди, а выдохнуть не было сил. Если я сейчас срочно что-то не придумаю, мне конец, кранты!

– Мы хотели выехать, но не выехали... А зачем папа звонил вам?

– Этого я тебе не скажу. И не пытай. Профессиональная тайна. Но если ты врешь...

– Не вру.

– Ты понимаешь, что в твоих интересах говорить правду?!

– Все так и есть, как я сказала, – настаивала я на своей версии. – А что с расследованием?

– Висяк! – коротко рубанул полковник. – Свидетелей нет. – Есть подозрение, что это банда подростков. Но опять же повторяю – никаких свидетелей нет. Странное дело – дорога была почти пустынна. И в такое-то время! Перед Новым годом!

«Каких подростков?! – чуть не вырвалось у меня. – Хороши подростки, они выглядели как бойцы спецназа!»

– Где мои похоронены? – тихо спросила я.

– Ты не знаешь?! Ну, Ксения... На Вышнегорском они похоронены... Всем Лариса Степановна занималась.

Лариса Степановна была двоюродной сестрой отца.

– Сама Лариса умерла через восемь месяцев. И тетку тоже не навестила ни разу...

«Если бы ты знал, как мне было страшно», – думала я про себя. Холодный снег и резкие крики, и это черное звездное небо, и вопль матери, и тело Темки, упавшего на дорогу, и эти глаза, смотревшие из-под прорези маски... Это был ужас, сковавший мой позвоночник, я не могла ни говорить, ни пошевелиться... Я не могла вернуться в город... Может быть, я делаю глупость, что возвращаюсь, но это мой сознательный выбор. Я вернулась, чтобы поставить точку в этой истории, я не хочу больше бежать неизвестно от кого. Я вернулась, и я останусь здесь до конца. До самого конца, каким

бы он ни был!

– Я пойду... – Я встала, резко отодвинув стул.

– Постой! Я все-таки хочу с тобой поговорить. Но, может, позже. Мне нужна от тебя некоторая информация. Давай встретимся на днях и обговорим все.

– Хорошо.

Я задела рукой край стола, и раскрытая сумка соскользнула с плеча. Содержимое ее вывалилось на стол Василенко, и я поморщилась.

– Извините...

– Ничего страшного. – Внезапно Василенко выхватил двумя пальцами брелок с вензелем и уставился на него.

– Откуда у тебя эта вещь?

– Случайно нашла.

– Соколовская! – взревел полковник, и глаза у него стали внезапно красными, как будто налились кровью. – Ты мне не заливай! Я тебя саму в кутузку шас отправлю!

– Я... его нашла... около моего дома... сегодня...

– Около дома?

– Да, а что в этом... брелоке особенного?

– Особенного? Это служебная информация, Соколовская. Но тебе, так уж и быть, скажу, чтобы ты поняла, овца эдакая, всю важность и серьезность этой информации – такой брелок мы нашли возле тела одной убитой девушки. Убитой, заметь, недавно. Соображаешь?

– Это брелок того самого маньяка, который объявился в

городе?

– Откуда ты знаешь? – ответил вопросом на вопрос Василенко и при этом сморщился так, будто у него болели зубы.

– Одна знакомая рассказала.

– Типун на язык твоей знакомой, ты, я смотрю, быстро в курс дела вошла. Не успела объявиться, воскреснуть из небытия – как уже все городские сплетни назубок знаешь...

Шустра девица!

– А что вы знаете об этом маньяке?

– Сначала: что ты знаешь об этом? – указал он на брелок.

– Я его нашла около дома.

– Иди! – махнул рукой Василенко. – Освежишь память, и тогда добро пожаловать. Хоть нам с тобой все равно встретиться придется в ближайшее время. Телефончик мне свой оставь. Домашний, как я понимаю, без изменения. Ты где живешь?

– В квартире родителей.

– Понятно... диктуй мобильный.

Я продиктовала и вышла на улицу, чувствуя, как у меня дрожат руки.

Все как-то закручивалось совсем не так, как я думала...

И еще Вышнегорское кладбище... Надо съездить туда. В ближайшее время. Обязательно...

– Простите меня! – сказала я вслух. – Пожалуйста, простите за все!

Вышнегорское кладбище было самым старым в нашем городе и самым «заслуженным». Я съездила на кладбище и положила на могилы родных цветы. «Простите меня, – прошептала я, – пожалуйста, простите». Потом резко развернулась и ушла, ни разу не оглянувшись.

Не заезжая домой, я позвонила Иванникову, и мы с ним договорились встретиться в кафе «Лукоморье». Я приехала раньше его и, сев за столик, заказала кофе. Наконец я увидела Володьку. Он шел с большим букетом роз и широко улыбался.

– Ксюша!

Я встала, Володя схватил меня за руки и расцеловал в обе щеки.

– Ты? – И он шутливо ущипнул меня за руку.

– Я! Я!

– Ну и замечательно. – Он сел, с шумом отодвинув стул. – Где ты, краса моя, хоронилась? Не подумала о своем старом друге? – Он резко подался вперед. – Куда это годится?! Хоть бы звякнула или весточку подала: мол, так и так, все в порядке, но по известным причинам не могу пока приехать.

– Так сложились обстоятельства.

– Так захотела ты, – оборвал он меня, прищурившись и окидывая мужским оценивающим взглядом. Мне от этого было ни жарко ни холодно. Ну, пялится мужик, и пусть пялится! Наверное, я здорово разочаровала отца тем, что не вышла за Володю Иванникова. Отец так хотел видеть его зя-

тем, а меня женой. «С Володькой ты будешь как за каменной стеной, – говорил отец. – Крепкий, надежный парень. Его отца я знаю сто лет. И вообще – семья из нашего теста. Понимаешь, в браке это очень важно. Ты слишком молода, чтобы знать это. Но так и есть. Поверь мне, старику». – «Ты не старик, – возражала я. – Ты у меня самый умный и красивый». – «Спасибо, конечно, за это... – улыбался он, – но насчет Володи ты все-таки подумай. Крепко».

Володя не был физическим уродом или человеком с какими-либо бросающимися в глаза недостатками. Но вместе с тем, когда мы с ним поцеловались пару раз, я ничего не испытала и осталась этим страшно разочарована. Ни отвращения, ни влечения. С таким же успехом я могла целоваться с фонарным столбом. «У тебя просто на него не стоит», – однажды цинично усмехнулась Муська, когда я рассказала ей о своем давнем ухажере. «Наверное», – взмахнула я рукой, прогоняя сигаретный дым. «Так что не парься, твой Володя – не твой тип мужчины. У тебя с ним физиологическая несовместимость». – «Скорее всего, ты права», – сказала я, погружаясь в очередную книжку – лав-стори. Там все было по-настоящему – любовь-морковь и розы-слезы.

А Вреда громко чихнула в знак подтверждения моих слов. Теперь «не мой тип» мужика сидел напротив и внимательно разглядывал меня.

– Может, теперь посветишь меня в некоторые аспекты твоей биографии? Куда ты драпанула, да еще так надолго?

Полтора года где-то отсиживалась...

Я рассказала ему то же, что и всем, и он повертел головой.

– Ну позвонить хоть могла?! – чуть не заорал он.

– Тише, – одернула я его. – На нас смотрят.

– А... плевать. Ты лучше скажи – мы что, не были друзьями? Друзьями? – переспросил он, глядя мне в глаза.

– Друзьями – были, – подтвердила я.

– Вот-вот. Хотя, если честно, я надеялся на большее... – усмехнулся он. – Но, видимо, зря!

– Володь! Зачем все портить и начинать сначала? – поморщилась я. – Кажется, мы обо всем уже договорились. И давным-давно.

– Не обо всем, – многозначительно сказал он. – Есть такой афоризм: «Времена меняются, а с ними и люди». Ты могла изменить свои взгляды.

– Этого не случилось.

– Жаль!

Я не стала спорить.

Мы заказали по салату и бокалу вина.

– Ты живешь у себя?

– У родителей!

– Вот как! И не страшно?

– А чего бояться-то?

– Пока тебя не было, у нас маньяк объявился. Жутко охочий до молодых девушек. Третье убийство произошло недавно – улики никаких и версий тоже.

– Это официальная точка зрения?

– Какая разница, официальная или моя. У меня свои источники есть. Понимаешь? – понизил он голос. – А ты живешь одна в таких хоромах. Где логика-то?

– И что ты предлагаешь? – Я отпила вино и поморщилась. На мой вкус, оно было слишком кислым.

– Поживи у меня. – И он накрыл своей рукой мою. – Ты будешь под защитой – никаких проблем. Мне тоже будет спокойней.

– Все взялись за мою защиту, – рассмеялась я. – Одновременно.

– Кто еще? – нахмурился Володька.

– Богданов!

– Этому простительно. Ксань! Я правду говорю – чего ты будешь там киснуть. Опасно ведь. Стал бы я просто так пургу гнать. У меня кое-какие данные имеются насчет этого психа. Во всяком случае, свою жену я бы без присмотра точно не оставил.

– Я не твоя жена! – И тут же пожалела о вырвавшихся словах. Лицо Иванникова перекошилось.

– Не моя. Но моя подруга, и я в некотором роде несу за тебя ответственность...

Я решила сменить тему.

– Ты лучше расскажи, что у вас творится в городе. У меня есть информация, что полный беспредел.

– А твои источники информации – спившаяся Шашкова,

подруга Сосницкого? Вот и все твои источники. Я не прав?

– Ну хорошо... Шашкова. И что? Она не права?

– Доля правды в ее словах есть. Но я бы на месте Сосницкого рот ее зашил суровыми нитками. Негоже языком болтать налево и направо. Все-таки это государственные дела, а не старых бабок на завалинке.

– Вов! С каких это пор ты стал патриотом государственных дел?

– С тех пор, как вошел в комиссию по модернизации города. У нас большие планы...

– Перекачивания денег, – закончила я.

– Нет, с тобой решительно невозможно разговаривать. Доела? Тогда пошли?

– Куда?

– На кудыкину гору! На свежий воздух. Тебя устраивает?

Иванников расплатился, и мы вышли на улицу – уже вечерело, и небо приобрело мрачно-синий оттенок.

– И куда теперь?

– Погуляем в парке – ты не против? Я тебя, может быть, на свидание приглашаю. Сто лет мы с тобой нигде не гуляли.

– Свидание у нас уже было в ресторане.

– Разве это свидание? Так, посиделки обычные. – И он решительно взял меня за локоть.

А мне хотелось вырваться и убежать... Мы пошли краем парка. В нем было уже довольно безлюдно. Парк был старый: разросшиеся деревья с толстыми стволами, кусты. Фонари

горели неярко; в парке было почти темно, и я вздрогнула.

Мое движение не укрылось от Володи.

– Ты чего? – Этот жест он истолковал по-своему. – Замерзла? – и притянул меня к себе. Внутри его рук было тесно и неудобно. Я засопела и вырвалась.

– Колючка! – И он потрепал меня по голове. – Слушай! – Он внезапно остановился и встал на одно колено. – Выходи за меня замуж, а? Ну чего ты сторонисься, ей-богу! И отец твой хотел этого.

Только этого ко всем моим проблемам мне не хватало. Это был запрещенный прием – удар ниже пояса. Где-то в глубине души я подозревала, что рано или поздно все кончится именно так. Ну не сможет он долго держаться! Но я никак не думала, что это произойдет при первой же нашей встрече.

– Ксань! Умоляю! Ну чего тянуть. Я чуть концы не отдал, когда ты исчезла. Я думал, что вообще... умерла...

– Что-то ты не похож на убитого горем человека, – не удержалась я. – Округлился, залоснился.

– Что ты об этом знаешь? Ксань! Ни-че-го. – И он прижал мои руки к своей груди...

– Не надо!

– Подумай!

– Когда надумаю – скажу. И не нужно меня провожать.

Дома я ревела целый час, запершись в ванной, я была одна, и никто помешать мне или постучать в дверь не мог. Я плакала, потому что в эту минуту поняла, что никогда не по-

люблю Володьку. А он, вероятно, лучшее, что меня могло ждать в жизни. Он был положительным героем во всех отношениях. А мне уже было все-таки двадцать пять лет. Сейчас замуж торопятся с восемнадцати выскочить. И не так важно собственное желание, как мнение окружающих, которые считают, что замужняя женщина – это прежде всего женщина востребованная. А замужество – тот же рынок и котировки на бирже. Нужный ты продукт или нет.

За все эти полтора года я была как будто выпотрошена изнутри. И у меня было всего два секс-эпизода за все это время... краткие и незначительные. Первый вообще даже не стоил и упоминания. Просто я слишком много выпила, и парень, который пригласил меня за столик, казался мне симпатичным и милым. И мне хотелось, чтобы меня приласкали и утешили. Мы пошли ко мне домой; предварительно я позвонила Муське и поставила ее в известность о своем приходе с кавалером. Та понимающе хмыкнула, и к нашему приходу дом был пуст, не считая кошки. Секс был бурным, торопливым, как бы впопыхах.словно у нас было ограниченное время и нам нужно уложиться, как по секундомеру. После секса парень смотрел в сторону и молчал; потом попросил у меня сигареты и выпивку. Я видела, что ему неловко и хочется уйти. Я не стала его задерживать. На прощание он кивнул и скатился с крыльца, растворившись в плотном темном вечере.

Следующий эпизод был совсем другим. Это случилось в

ноябре... Осень всегда была моим самым любимым временем года. Не сентябрьская осень – ясная и звонко светлая, вся как разноцветная матрешка, и не октябрьская – с постоянными дождями и мрачным небом. Я любила тяжелую ноябрьскую осень. Когда воздух был гулко-холодным, вечера таинственными, бездонными. И ветер – по-разбойничьи залихватский – «нас не догонишь»... Я любила в ноябре ходить без перчаток – мне нравилось, когда руки замерзали, – я совала их в карманы, но холод проникал и туда. Зато когда приходила домой, то живительное тепло медленно обволакивало меня изнутри и разливалось по телу. И в этот миг я ощущала себя живой...

Этого парня я заметила сразу – он сидел в углу и молча курил. Перед ним стояли рюмка водки и мясной салат. У него были грубые узловатые руки и тяжелый взгляд, прошивающий насквозь. И когда этот взгляд прошил меня, я остановилась, как в столбняке, и, спихнув работу на Жору, ушла покурить. Он вышел за мной и тоже стал курить. Мы молчали и почти не разговаривали. Только односложные слова-ответы. Ты здесь работаешь? Да. Осень в этом году ранняя. Да... Мое «да» было как камешки в пропасть. Потом мы, не стовариваясь, прильнули друг к другу и отошли за здание. Я потянула его в тесную кладовку, где нас никто не мог найти. И там, в тесноте, при неплотно закрытой двери, откуда врывался остро-холодный воздух, он торопливо стягивал с меня колготки... Моя разгоряченная кожа соприкасалась с

холодным ноябрьским воздухом. Пахло прелыми листьями и сырой землей: недавно прошел дождик...

И когда все закончилось, мы стояли, прильнув друг к другу, наши сердца гулко стучали, и оба мы знали: больше мы никогда не встретимся и этот эпизод – чистая случайность, но из тех случайностей, которые будут помниться долго, если не всю жизнь.

И это была вся моя «личная жизнь» за полтора года!

...С Володькой у меня было бы совсем по-другому. Да, меня не тянет к нему, но мне с ним будет спокойно... твердила я себе и кусала губы. Но я прекрасно понимала, что этот довод – хлипкий и неубедительный. И что недавняя встреча в кафе словно перечеркнула всю мою жизнь. Я могла обманывать себя как угодно, но передо мной все время вставали светло-зеленые глаза... и я слышала тягучий, ленивый с хрипотцой голос. От одного этого воспоминания у меня пересыхало во рту и начинала кружиться голова. И у него брелок! Что это значит?! Найду ли я его в нашем городе – или это бесполезное занятие и приехала я сюда зря?.. Впечатлений было много – еще больше вопросов. Вопросы, на которые мне предстояло найти ответы. И в ближайшее время! Зачем Богданов заходил ко мне? А сам об этом ничего не сказал! Почему рядом с убитой маньяком девушкой нашли такой брелок... Кто кладет цветы на могилу родителей?.. Были еще старые колко-неудобные вопросы: почему я осталась жива, и наконец, самый главный – кто все это сделал? За-

чем? Василенко мог бы немного приоткрыть завесу тайны: ему отец звонил незадолго до гибели, но он не расколется. Профессиональная тайна, с раздражением подумала я. Мент хреновый! Считает, что мне нельзя ничего говорить! В такие моменты я была безумно зла, зла на саму себя, за то, что бессильна перед обстоятельствами и не могу развернуть их в свою сторону.

Я вспомнила Муську и решила позвонить ей. Все-таки мне ее здорово не хватало! Я уже привыкла к ней и считала ее кем-то вроде сестры. Теперь она – там, а я – здесь...

Я набрала Муськин номер. Трубку она взяла сразу.

– Ксюха? Ты?

– Кто же еще!

– Как ты там?

– Ничего. А ты?

Голос Муськи был невеселым.

– Ничего. Тружусь. Скучаю по тебе.

– Взаимно. Как, Вазген нашел новую официантку?

– Была у нас одна – продержалась два дня, и уволили ее. Руки не из того места у нее растут. Да еще с Вазгеном умудрилась поцапать. Слушай, Ксань! Тут тобой какой-то хмырь интересовался, разыскивал.

– Что ему было надо?

– Не знаю.

– Ну спасибо, Мусь, что сказала.

– Да не за что! Ты когда к нам приедешь – навестить?

– Пока не знаю, – честно сказала я. – Дел навалом. Как сделаю – так приеду. Я и сама хотела бы вернуться к вам. Но пока никак. Всей душой рвусь... – и это была почти правда. Я действительно соскучилась по Муське.

– Ладно! Пойду спать. Голова как чугунная. Спасибо, что позвонила.

– Спокойной ночи!

– Тебе тоже спокойной ночи! Будь осторожна! Прошу тебя! Я, конечно, не знаю всех твоих дел, но чувствует мое сердце... опасные они очень. Аккуратно, Ксень! Обещаешь?

– Обещаю, ты тоже себя береги! – Я повесила трубку, потом медленно побрела на кухню и поставила кипятить чайник.

Я обхватила голову руками. Это было странное наваждение – по-другому ничего объяснить я бы и не смогла. Туман, гипноз – назвать можно было как угодно – и все попадало в точку... И такое случилось со мной впервые в жизни. Сладкий обморок, в который я была готова упасть в любое время... И этот парень – убийца, расстрелявший мою семью? Просто с ума можно сойти от таких поворотов судьбы!..

Может быть, и правда – выйти за Иванникова и стать примерной женой! Выполнить, так сказать, последнюю волю отца. Я вздохнула и, пригладив руками волосы, пошла спать.

На следующий день Василенко позвонил и назначил мне встречу в кафе «Русский богатырь». Я хорошо знала это ка-

фе – оно имело солидную репутацию, и ходили туда по большей части серьезные люди для деловых переговоров. Василенко был в гражданском. Увидев меня, он кивнул и сделал жест, приглашающий сесть за столик. Мебель в кафе была темно-коричневая, немного мрачноватая, но подходившая этому заведению и людям, которые в основном сюда приходили. Вокруг каждого столика был кожаный диван и ширма, что придавало этому месту еще большую загадочность и конспиративность. Я заказала себе холодную воду с лимоном. Василенко – пиво. Беседовали мы с ним примерно полтора часа. Он самым подробным образом расспрашивал меня о времени перед убийством. Не было ли каких-то подозрительных звонков, был ли отец чем-то озабочен в последнее время. И так далее. В этот момент я пожалела, что проводила с родителями не так много времени. Меня захлестнула собственная взрослая жизнь, и я стремилась доказать всем свою самостоятельность. Наверное, многие через это прошли, но, думаю, не у каждого была такая развязка. С Темкой я общалась еще меньше и ничего по этому поводу вообще сказать не могла. Я работала, ходила на свидания с Володей Иванниковым. Частенько вырывалась в Москву – к своим одноклассникам. Разговаривать нам особо было не о чем, но, встречаясь, мы делали вид, что нам жутко весело, и мы тусовались по клубам и модным барам. Поэтому информацию, которую от меня ждали, я предоставить не могла. Василенко тоже это понимал и время от времени бросал на меня досадливые

взгляды. Он-то думал, что я – ценный свидетель, который поможет продвинуться следствию, но я не оправдывала его ожиданий, и его интерес ко мне заметно остыл. Кроме того, у меня на языке вертелся вопрос насчет последнего разговора Василенко с отцом. Несколько раз я пыталась задать его, но он останавливал меня холодным взглядом. Словом, наш разговор не принес нам обоим никакого удовлетворения, и мы расстались, недовольные друг другом. Василенко попросил меня сообщить, если я вспомню какие-нибудь детали.

– Олег Сергеевич! А как насчет того поджога торгового центра? – спросила я. – Нашли виновных?

Василенко нахмурился.

– Раскрыли это дело вскорости. Можно сказать, по горячим следам. Парочка гастарбайтеров баловалась. Ну и добавлялись ребятки. До тюрьмы. Вкатили им срок – мало не покажется. Десять лет лишения свободы.

– А... – начала я и запнулась.

– Ты что-то хотела спросить? – поинтересовался Василенко.

– Ничего. Просто так.

После разговора с Василенко позвонил Володька.

– Привет! Ты где?

– В Караганде.

– А если серьезно?

– На улице.

– Точнее не скажешь? Хочу к тебе подъехать.

Я вздохнула. Видеть Володьку мне не особо хотелось, но ведь пристанет как репей – и не отвертишься.

– Хорошо. – Я продиктовала адрес кафе и принялась ждать. В ожидании Иванникова я заказала кофе и посмотрела на улицу. Внезапно вспомнила о Темке и его друзьях. И еще о девушке, с которой он нас так и не познакомил. А теперь уже никогда и не познакомит... Как ее звали? Наташа? Надя? Что-то на букву «Н». Может быть, друзья Темки подскажут. Я знала только одного закадычного Темкиного друга, Никиту Терехина, и поэтому, недолго думая, набрала его номер. Он был у меня в телефонной книжке. Никита откликнулся не сразу. Была плохая слышимость, и в трубке все время трещало.

– Алло! Кто это?

– Ксения Соколовская.

Возникла пауза.

– Что за идиотские шуточки? – И на том конце повесили трубку.

Ну да, ну да! Как же я не подумала, что мое возвращение с того света могут воспринять как дурную шутку!

Я перезвонила снова. Трубку не брали.

«Идиот! – в сердцах бросила я. – Настоящий идиот!»

Я встала и подошла к барной стойке. Сунув бармену двести рублей, я набрала номер Никиты с барменского мобильного. Прежде чем Терехин повесил трубку, я торопливо проговорила:

– Никит! Это действительно я. Пожалуйста, не вешай трубку. Мне с тобой нужно поговорить.

Пауза была еще длиннее, чем в первый раз.

– Это правда? Ксения Соколовская? – Его голос звучал очень неуверенно.

– Никит! Это действительно я. Если ты еще сомневаешься в этом, я тебе напомню. Вы с Темкой как-то раз взяли машину отца без спросу, когда вам было по шестнадцать лет, и куролесили на ней по городу, пока вас не сцапал патруль и вы не попали в кутузку. И отец поехал вас вызволять...

– Ксюха! Довольно! – Голос у Терехина дрогнул. – Я все понял. Как ты живой-то осталась?

– Это долгая история. Но если мы встретимся, я тебе все расскажу.

– Естественно. Я сейчас на работе – после пяти освобождаюсь и в твоём распоряжении.

Я посмотрела на часы.

– Тогда в половине шестого в сквере Героев. Около памятника.

– Есть! Буду как штык!

Я нажала на отбой и ощутила в горле комок. Да, встреча с Терехиным – старым Темкиным другом – будет непростой. И вообще мое появление в родном городе действительно стало казаться возвращением с того света. Я чувствовала себя здесь чужой и ничего не могла с этим поделать.

Володька явился с огромным букетом лилий. Ну не может он без этого обойтись!

– То лилии, то розы. Забаловал ты меня. – Мое лицо озарила улыбка.

– Ухаживаю, и, надеюсь, красиво. – Он был доволен моими словами и ответил радостной улыбкой.

– Спасибо. – Я уткнулась в лилии – от них шел тонкий нежный запах – как от речной воды в июне. – Как дела? – спросили мы в унисон и рассмеялись. Я подняла голову и посмотрела на Володю.

– Ах, ах, – негромко засмеялся он.

– Что такое? – Я нахмурила брови и непонимающе посмотрела на него.

– У тебя весь нос желтый от пыльцы. Держи носовой платок. – Он полез в карман пиджака и извлек оттуда светло-бежевый платок в клеточку.

– Спасибо. – Я достала из сумочки маленькое зеркальце от Dior, которое мне когда-то подарил Володя, и протерла кончик носа платком.

– Пользуешься моим подарком?

– Да, очень нужная вещь, без нее девушке никак, – он, видимо, хотел сделать акцент на том, что я ношу именно его подарок.

– Да, и правда никуда, особенно если часто нюхаешь лилии.

– Это точно, – и мы опять засмеялись. Я старалась взять

с ним легкий игривый тон, только чтобы он не стал опять делать мне предложение или чего-то в этом роде. Володя был мне старым другом, и я хотела и дальше сохранить его для себя в этом качестве.

– Так о чем мы говорили? – спросил Володя.

– Да вроде пока ни о чем.

– А, вспомнил, я хотел у тебя спросить, чем занималась сегодня.

– Встречалась с Василенко.

– И? – подобрался Иванников.

– Расспрашивал меня о... родителях. Об их настроении накануне гибели и обо всем прочем. Ну что обычно спрашивают в таких случаях – не был ли чем взволнован, не поступали ли письма с угрозами или странные телефонные звонки... – я осеклась. – Извини, даже говорить об этом не могу... – Неожиданно я расплакалась и, взяв со стола бумажную салфетку, промокнула ею глаза. – Я, когда побывала на кладбище, наконец поняла, что все, понимаешь? Все! Их больше никогда не будет. Пока я не увидела эти могилы – сознание отказывалось верить в то, что они мертвы. Я, конечно, все понимала, но... Знаешь, говорят, что невозможно поверить, пока не потрогаешь или не увидишь, так вот, я увидела, раньше казалось, что неправда. Вот здесь. – Я постучала себя по лбу. – Я отказывалась верить в это. Потому я и бежала из города – хотя в тот момент не могла отдавать себе в этом отчет. Просто мне хотелось убежать ото всего, в

том числе и от смерти своих родных...

Володя накрыл мою руку своей.

– Перестань.

Он нежно вытер мне салфеткой глаза.

– Рева-корова. Не надо.

– Нет, надо. Там... я была как окаменелой, а сейчас отхожу.

– Поехали ко мне, – без всяких предисловий предложил он мне. – Просто посидим и поговорим.

– Посидим? – подняла я вверх брови.

Он усмехнулся.

– Ну хорошо. Поговорим. Тебя так устраивает? Я хочу утешить любимую девушку. Как тебе такая постановка вопроса?

– Не надо, правда, не надо. Не начинай наш разговор сначала. Я ценю тебя как друга... и точка.

Мы прошлись по улице. Разговор не клеился, и я понимала почему. Я не могла дать своему старому другу того, что он хотел: любви, нежности, внимания. Не могла. Внезапно я остановилась напротив него.

– Мне пора. – И я отвела взгляд в сторону.

– Куда-то торопишься? – спросил он, нахмурившись.

– Обещала Шашковой сегодня приехать пораньше. У нее какие-то проблемы.

– Доведет тебя до ручки эта сплетница. Языком лишний раз почесать, и все ее проблемы.

– Она не сплетница. Ну, я побежала.

– Беги. Ты всегда от меня бежишь! – усмехнулся Иванников. В его голосе чувствовалась горечь, он понимал, что я от него действительно сбегаю.

– Нет. Я правда тороплюсь. Завтра позвоню...

Я ушла, ощущая на своей спине тяжелый Володькин взгляд.

На встречу с Тереховым я опоздала. Он стоял около памятника Героям Великой Отечественной войны и вертел головой в разные стороны. При виде меня на его лице появилось озадаченное выражение, и он сложил губы трубочкой. Я подошла ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.